
Евгений Сошкин

Рабле и цензура. Об эвфемизме, который комментаторы не комментировали, а переводчики не переводили

В первом издании романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» в переводе В. А. Пяста (1929) есть одно любопытное словосочетание, которому не находится аналогов ни в одном другом русском издании Рабле. Оно содержится в следующем отрывке из более пространной тирады, произносимой братом Жаном в XV-й главе Третьей книги (курсив мой):

«Наши добрые духовные отцы, руководясь известным древним каббалистическим установлением — не писанным, но передававшимся из уст в уста, — в мое время, встав к заутрени, прежде чем войти в церковь, делали известные знаменательные приготовления. Плевали в плевательницы, блевали в блевательницы, *мечтали в мечтательницы*, мочились в писсуары. Все для того, чтобы не принести чего-нибудь нечистого с собой на богослужение»¹.

Выделенное курсивом действие, перечисляемое наряду с очистительными «приготовлениями», которые заключаются в исторжении телесных отходов, — и, более того, помещенное в середину этого перечисления, — может означать лишь одно: акт онанизма. По контрасту с привычной раблезианской лавиной прямо называемых атрибутов и функций «телесного низа» сверхделикатный эвфемизм «мечтали в мечтательницы» звучит здесь до крайности непристойно (особенно с учетом одушевленности «мечтательниц» в нормативном значении этого слова, а также присущих последнему возвышенных коннотаций). Хотя комический прием такого рода весьма неожидан у Рабле, в этом

пункте переводчик несколько не отступил от оригинала:

«Fiantoient aux fiantoirs, pissaient aux pissouirs, crachoient aux crachoirs, toussoient aux toussoirs melodieusement, *resvoient aux reservoirs*, affin de rien immonde ne porter au service divin».

Существительное *resvoir* два разных комментария объясняют как «endroit ou l'on rêve»² и «formation comique, lieu où l'on peut rêver (forge sur le modèle de *dortoir*)»³, — как место, где совершают действие, обозначаемое глаголом *rêver*, то есть такое место, где видят сны, грезят, бредят и т.п. Судя по всему, комментаторы механически перенесли на слово, использованное Рабле, то значение, в котором, согласно толковым словарям, оно употребляется в новейшей французской литературе: «lieu où l'on rêve»⁴. Поразительно, что и «Словарь французского языка XVI века» (т. VI — 1965) тоже объясняет слово *resvoir* как «endroit ou l'on rêve», приводя лишь один пример его употребления — эту же самую фразу Рабле⁵. Автор словаря поступает в точности так же, как до него поступили комментаторы Рабле: он присваивает окказионализму XVI века значение, которое закрепится за соответствующим словом через триста лет, когда оно войдет в употребление...

Примечательно, что второй из двух цитированных выше комментариев к Рабле, упоминая *dortoir* в качестве нормативного грамматического аналога *resvoir*, похоже, намекает и на их семантический параллелизм, то есть как бы предлагает нам вообразить помещение специального назначения, нечто вроде монастырской «мечтальни», по аналогии с дортуаром — общей спальней в интернате. Конечно, с точки зрения грамматики *resvoient aux reservoirs* могло бы с тем же успехом быть переведено и как «мечтали в мечтательницах». Но допускает ли рпзбираемый нами пассаж прочтение, согласно которому в монастыре для каждого из перечисленных действий отведено по некоторому количеству особых комнат? Абсурдность подобной интерпретации доказывается хотя бы тем, что наряду с окказиональными словообразованиями Рабле использует здесь и нормативные, безусловно обозначающие сосуды для разного рода «нечистых» выделений: *pissouirs*, *crachoirs*. Едва

ли можно усомниться в том, что и остальные члены этого ряда, созвучные двум вышеназванным и стоящие в аналогичных семантико-грамматических позициях, тоже обозначают сосуды.

Разумеется, приведенные соображения заведомо недостаточны для того, чтобы на их основании можно было с уверенностью судить об авторской интенции, да и в любом случае судить о ней — прерогатива специалистов по Рабле и его эпохе. Однако не вызывает сомнений, что переводчик, озадаченный этим странным словосочетанием, вклинившимся в столь однозначный ряд, истолкует его именно как намек на онанизм. Так было и с переводчиками Рабле на русский или их редакторами, для которых обсуждаемое словосочетание оказалось абсолютно неприемлемым. В самом деле, речь идет об одном из самых табуированных мотивов в литературе, — вероятно, по той причине, что онанизм, в отличие и от других физиологических отправления, и от других сексуальных практик, есть акт, нерегламентированный культурным обиходом. В устах персонажа Рабле подобная материя была бы, положим, еще терпима, если бы она затрагивалась достаточно прямо или вышучивалась достаточно плоско. Но чего Рабле решительно не хотели позволить — это *намекать*.

В переиздании пястовского перевода, появившемся в 1938 г., а также во всех последующих это место выглядит совсем иначе: «Плевали в плевальницы, блевали в блевальницы, отливали в отливальницы, ходили в отхожницы»⁶. Воспользовавшись тем, что в свое время для придания фразе ритмичности переводчик отказался от одного из пяти элементов исходной фигуры⁷ («fiantaient aux fiantoirs»), редактор восстановил его («ходили в отхожницы»), чтобы уравновесить купюру⁸. Он был не первым, кто решился на такое изъятие: в переводе конца XIX в., выполненном А. Н. Энгельгардт, читаем: «Очищали кишки, блевали, плевали, кашляли»⁹. Не был он и последним: в классическом переводе Н. М. Любимова (1961) неудобный намек тоже отсутствует: «...дабы не принести с собой на богослужение чего-либо нечистого, они какали в какальницы, сикали в сикальницы, плевали в плевальницы, мелодично харкали в харкальницы, зевали в зевальницы»¹⁰. Это импровизированное

зеванье, разумеется, совершенно не отвечает цели всех перечисленных действий («не принести с собой на богослужение чего-либо нечистого»), поскольку оно не сопровождается никакими выделениями.

При всей незначительности рассмотренного здесь казуса, он может служить своего рода индикатором весьма живучих переводческих и редакторских стереотипов, насильно укладывающих Рабле в прокрустову модель раблезианского юмора. Показательно, что, например, у английских переводчиков Рабле, начиная с первого из них, жившего в XVII веке, и заканчивая нашими современниками, скабресный намек не вызывает никаких заминок и сохраняет свою прозрачность: «doted in their dotaries»¹¹, «idle in the idleries»¹², «dreamed in the dreameries»¹³, «snooze in the snoozeries»¹⁴, «daydreamed in the daydreameries»¹⁵. Правда, справедливости ради нужно отметить, что перед английскими коллегами пасуют не одни только русские переводчики. Курьезным образом в новейшем переводе романа на иврит (2003) к очищению желудка, мочеиспусканию, плеванью и кашлянью добавлено еще одно действие в таком же роде — харканье, заменившее собой исходный эвфемизм¹⁶.

* * *

Перечисление монашеских очистительных процедур впервые встретилось мне внутри обширной цитаты на страницах работы М. М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе», где Рабле цитируется как раз в первоначальной редакции пястовского перевода¹⁷. Заинтересовавшись удивительным иносказательным оборотом, я прежде всего, конечно, заглянул в перевод Любимова. Обнаружив там подлог вместо какого-то смыслового эквивалента, я подумал, что, возможно, этим обстоятельством (или ему подобными, о которых мне неизвестно) объясняется одно интригующее противоречие между заявлениями Бахтина в его книге о Рабле и их игнорированием на практике в «Формах времени...».

В книге о Рабле, увидевшей свет в 1965 г., Бахтин, вместо того чтоб цитировать «Гаргантюа и Пантагрюэля» в

оригинале или в собственном переводе, как было в редакции 1940 г., цитирует в недавно опубликованном переводе Любимова, удостоившемся даже особого панегирика: «...благодаря изумительному, почти предельно адекватному переводу Н. М. Любимова Рабле заговорил по-русски <...> со всею неисчерпаемостью и глубиной своей смеховой образности», и пр. Более ранние переводы Бахтин обобщенно характеризует как совершенно нерелевантные: «Можно сказать, что русский читатель впервые прочитал Рабле, впервые услышал его смех. Хотя переводить Рабле у нас начали еще в XVIII веке, но переводили, в сущности, только отрывки, своеобразие же и богатство раблезианского языка и стиля не удавалось передать даже отдаленно»¹⁸. В принципе, оценка эта, явно вставленная в текст на позднем этапе, могла представлять собой благодарственную реакцию на опубликованное в «Литературной газете» от 23 июня 1962 г. коллективное ходатайство Н. М. Любимова, В. В. Виноградова и К. А. Федина об издании бахтинской книги о Рабле. Насущность издания мотивировалась в этом ходатайстве так: «В связи с выходом нового, наиболее полного перевода “Таргантюа и Пантагрюэля” резко возрос интерес к творчеству Франсуа Рабле <...>»¹⁹. Но по большому счету Бахтин, восхваляя труд переводчика, был свободен от диктата личных отношений: с Любимовым они были едва знакомы²⁰.

Однако в 1973 г., komponуя из текстов довоенного времени и оформляя для печати работу о хронотопе, Бахтин, вместо того чтоб воспользоваться в главе «Раблезианский хронотоп» любимовским переводом, получившим его восторженную оценку, оставляет все цитаты в переводе Пяста, — и это при том, что общий объем развернутых цитат в одной этой главе сопоставим с объемом таковых во всей монографии 1965 г. Может ли из этого следовать, что Бахтин оставил все цитаты в пястовском переводе, обнаружив у Любимова как минимум одно сознательное искажение?

Благодаря компетентному свидетельству единственного очевидца я смог удостовериться в ошибочности этой догадки. В 1973 г. Бахтин уже не вникал в такие частности, как выбор того или иного перевода при цитировании. С. Г. Бочаров, по

чьей инициативе и с чьей помощью Бахтин из давней рукописи большого объема извлек и связал воедино главы, составившие основной корпус «Форм времени...», подробно описал мне весь этот процесс²¹ и, в частности, сообщил, что «сознательного выбора в пользу Пяста не было — просто ни о каком выборе речь не шла, публиковался старый текст как он был».

С признательностью и смущением называю тут моих старших коллег: С. Г. Бочарова, В. В. Ляпунова, И. Л. Попову, Р. Д. Тименчика, разрешавших мои бахтиноведческие (и не только) затруднения с великодушной щедростью, которой так мало достоин полученный результат. Отдельная благодарность — Сирилу Асланову за его любезные консультации языковедческого характера; выводы, сделанные на их основе, остаются всецело на моей совести.

¹ *Раблэ Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. со старо-франц. и примеч. Вл. Пяста. Под ред. и со статьей проф. И. И. Гливенко. С предисл. проф. П. С. Когана. — М.—Л.: Земля и фабрика, 1929. — С. 251.

² *Les cinq livres de F. Rabelais: Avec notes et glossaire.* — Т. II. — Paris: Ernest Flammarion, 1928. — P. 372.

³ *Rabelais F.* Le tiers livre: Edition Critique commentée par M. A. Screech. — Geneve: Librairie Droz; Paris: Librairie Minard, 1964. — P. 448.

⁴ Привожу здесь целиком словарную статью с примерами из Гюго и Малларме: «rêvoir [revwar] n. m. (de rêver; 1862, V. Hugo). *Littér.* Lieu où l'on rêve : *C'était une caverne d'ermite, un rêvoir, un trou, un tombeau* (Hugo). *Qui veut rêver et ne le peut? Voici, crepuscule ou feuillage, des rêvoirs : coins de solitude à faire oublier les massifs véritables de beaux jardins...* (Mallarmé)» (Grand Larousse de la langue française: En sept volumes. — V. 6. — Paris: Librairie Larousse, 1977. — P. 5177). Ссылаясь на «Лярусс», это же толкование дает «Le Grand Robert de la langue française» (Paris: Dictionnaires le Robert, 2001).

⁵ *Huguet E.* Dictionnaire de la langue française du seizieme

siecle. — T. VI. — Paris: Didier, 1965.

⁶ *Раблэ Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. В. А. Пяста. Ред., предисл. и прим. Б. А. Кржевского. — Л.: Гослитиздат, 1938. — С. 216.

⁷ В риторических терминах ее можно квалифицировать как синатройсм (нагромождение).

⁸ Надо сказать, что в версии 1938 г. перевод вообще претерпел тотальную правку. Редактор Б. А. Кржевский был университетским товарищем Пяста по семинариям Д. К. Петрова 1909—10 гг. (см.: *Пяст Вл.* Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. — М.: НЛЮ, 1997. — С. 115) и автором содержательного предисловия к берлинскому изданию комедии Тирсо де Молины «Дон Хиль Зеленые штаны» в пястовском переводе (1923), но неизвестно, принимал ли Пяст участие в подготовке переиздания «Гаргантюа и Пантагрюэля».

⁹ *Раблэ Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль: В пяти кн. / С франц. текста XVI в. 1-й рус. пер. А. Н. Энгельгардт. — СПб.: Издание редакции Нового журнала иностранной литературы, 1901. — С. 36. — Ранее этот перевод выходил отдельными книжками начиная с 1898 г.

¹⁰ *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. Н. Любимова. Редакция перевода А. Смирнова. Стихи в переводе Ю. Корнеева. Вступ. ст. С. Артамонова. Примеч. С. Артамонова и С. Маркиша. — М.: ГИХЛ, 1961. — С. 303.

¹¹ Цит. по: <http://en.wikisource.org/wiki/The_Third_Book/Chapter_XV>. Переводчик — Sir Thomas Urquhart (= Urchard, 1611 — с. 1660). Перевод Книги третьей был опубликован в 1693 г.

¹² *Rabelais F.* The five books of Gargantua and Pantagruel / In the Modern translation of J. le Clercq. — New York: Modern Library; Random House, 1944.

¹³ *Rabelais F.* The Histories of Gargantua and Pantagruel / Transl. and with an Introduction by J. M. Cohen. — Harmondsworth: Penguin Books, 1955. — P. 329.

¹⁴ *Rabelais F.* Gargantua and Pantagruel / Transl. by B. Raffel. — New York; London, 1990. — P. 284.

¹⁵ The complete works of François Rabelais / Transl. by D. M. Frame. With a foreword by R. C. La Charité. — Berkeley: University of California Press, 1991.

¹⁶ “מחריינים במחראות, משתינים במשתנות, רוקקים במרקקות,¹⁶ משתעלים בניגון נוגה במשעלות, כחים את כיהם במכחות” (רבלה פ. גרגנטואה ופנטגרואל: ב-2 כרכים \ תרגום, הערות והקדמה: עידו בסוק. — כרך ב. — אור יהודה: דביר, 2003. — עמ’ 456.

¹⁷ См.: Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // *Он же*. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — М.: Худ. лит., 1975. — С. 332.

¹⁸ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худ. лит., 1990. — С. 158.

¹⁹ Цит. по: Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). — Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1993. — С. 299-300.

²⁰ В письме к нему от 24 июля 1962 г. Бахтин пишет: «Я очень хорошо помню нашу единственную встречу», а также: «Простите мне мое обращение, но, к стыду своему, я не мог вспомнить Вашего имени и отчества» (*Любимов Б. Н.* Действо и действие. — Т. I. — М.: Языки русской культуры, 1997. — С. 499-500).

²¹ В письме от 28 июня 2007 г.